

Лиричный трагик: Владимир КАРА и его искусство

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН И АНДРЕЙ КОЖЕВНИКОВ, СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ЕВРЕЙСКОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ»

Владимир Кара у своих картин в галерее «Open Art», Париж.

В мае 2015 года в культурной жизни русско-еврейского Парижа произошло незаурядное событие: на Монмартре, где столетие назад искали путь к сердцам в целом весьма равнодушных к их искусству французов Амедео Модильяни и Хаим Сутин, открылась новая галерея, так и озаглавленная — «Open Art». Инициатором и душой ее создания был Владимир Кара — замечательный художник, покинувший Советский Союз еще в 1983 году. Вот уже более тридцати лет Владимир Кара живет и работает в Париже, став сегодня, благодаря своей удивительной добросердечности и творческому энтузиазму, наиболее активным организатором художественной жизни русско-еврейской эмиграции в столице Пятой республики.

Владимир Кара создает на своих полотнах особый мир, где образы и предметы, существующие словно в безграничном пространстве, порой даже вопреки законам гравитации, возникают из экспрессивных линий и штрихов, и сдержанная, лаконичная, нередко практически монохромная палитра лишь усиливает остроту чувств автора и подчеркивает выразительность его волнующих полотен. Работы Владимира Кара наполнены то серебристым, то голубым, то багровым сиянием, порой отдающим золотистыми или алыми искрами, они всегда искренни, иногда задумчивы, порой — мечтательны и душевны. Человеческие фигуры, то прописанные в деталях, то лишь обозначенные летучими мазками, распахнутые окна и букеты цветов — все это дышит особым воздухом, то паря и зависая в пространстве, то застылая неподвижно, словно безмолвно отвечая зрителю, который с открытым сердцем подходит к этим холстам.

Созданное недавно полотно «На пути к следующей картине» представляет собой, на первый взгляд, привычный для художника натюрморт: на подоконнике лежат кисти, тюбик с краской и палитра, рядом с которыми стоит пышный букет цветов. Это и законченная картина, и метафора создания произведения искусства как такового. Образы этих предметов складываются из быстрых, крупных, резко очерченных черных мазков, передаю-

щих всю творческую энергию художника в моменты создания. При этом вся картина выполнена в контрастной бело-красной гамме, лишь слегка разбавленной вкраплениями желтоватых бликов: все стены, предметы написаны в серебристо-серых красках, а пламя закатного неба пылает алым огнем, отражаясь на гроздьях пышных соцветий золотистыми искрами. Казалось бы, это просто мимолетный взгляд, брошенный на привычную обстановку мастерской художника, не более чем зарисовка его повседнев-

ного труда, с которым он знакомит зрителя. Но пронизывающий контраст красного и белого придает всему полотну особый глубинный смысл. Эти багровые пятна и разводы — словно метафора сердца художника, который выплескивает на полотно все, что таится в глубинах души, всю свою кровотокающую боль и весь жар своих страстей. И само окно с окаймляющим его подоконником словно напоминает картину в раме — ведь, в конечном счете, все, что привлекает внимание художника, в итоге остается на его полотнах, преломившись в лучах его души и обретая новую жизнь на поверхности холста. Таким образом мастер будто стремится донести до зрителя самую суть своего творчества. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, — писала Ахматова. — Сердитый окрик, дегтя запах свежий, таинственная плесень на сте-

«Вечер. Память», 2015

не... И стих уже звучит, задорен, нежен...». Полотно Владимира Кара созвучно этому стихотворению, оно о том, как создается картина, как пустой и безжизненный холст обретает плоть и кровь, становясь произведением, которое раз увидев, зритель уже не забудет.

На картине «Свет», созданной в 2002 году, зритель видит две фигуры — мужскую и женскую. Молодой мужчина опустился на стол, держа в руке подсвечник с горящими свечами, а женщина склоняется над ним. Их лица чем-то напоминают античные скульптуры — те же выверенные, идеальные гармоничные пропорции, те же аккуратно убран-

«На пути к следующей картине», 2014

ные назад волосы. Вся картина решена в черно-белых красках, видимые образы проступают через множество оттенков непорочной белизны, пепельных теней, они очерчены резкими черными линиями, будто рисунок природного мрамора. Это полотно, со всей предельной четкостью и ясностью виртуозных линий, почти напоминает графический рисунок — однако по своей внутренней красочности, по своей искренности и глубине не уступает никакому буйству цвета.

В образе мужчины есть что-то андрогинное, при этом лицо девушки лишено ярко выраженной женственности — и это сблизжает их, они преодолевают гендерные барьеры, словно сливаясь в один образ, наполненный единой печалью. Но все же есть нечто, что отличает их от античных скульптур и фресок — это их глаза, живые, глубокие, страдающие. Неизвестно, что тяготит их, но сквозь монохромную гамму холста мы можем ощутить все краски их печали, и их исполненный тоски взгляд становится только пронзительнее в этой безжизненной, почти

каменной палитре, которую оживляют лишь догорающие свечи — символ неутихающей надежды. Мы даже не знаем, кто именно перед нами — может, это сам художник со своей музой, задумавшись о жизни, с беспокойством и тревогой взирает на наш жестокий мир, в котором искусство так беззащитно и хрупко, и лишь пламя свечи, как светоч надежды, служит им защитой и утешением? ...

На картине «Вечер. Память» изображено трюмо, у которого висит мужская рубашка, на столе лежат книги и стоят цветы. На полотне нет одушевленных персонажей — лишь в зеркальной дали едва различимы чьи-то смутные силуэты. И одушевленными героями холста становятся запечатленные живописцем предметы, которые превращаются в говорящие символы.

Возникает чувство, что это не просто натюрморт, а картина-воспоминание — видимые зрителем образы и детали воплощают в себе память о ком-то, кого уже нет рядом с нами. Одежда, которая еще помнит чье-то тепло, и которую уже больше не наденут, зеркало, в которое кто-то уже никогда не посмотрится, газеты и письма, которые уже некому читать — все это потеряло краски, осталась лишь черно-белая палитра, выплывшие тени старых фото и давних воспоминаний, которые уже утратили сочные, яркие цвета, но зато со временем приобрели остроту и рельефность, сохранив свой мягкий, согревающий свет. Может показаться, будто само трюмо в каком-то смысле напоминает памятник или семейный алтарь, на кото-

«Свет», 2002

рый возложены цветы и символы ушедшей жизни, которая продолжается — благодаря неутихающей памяти.

Владимир Кара очень многое сделал в искусстве: он создал сотни картин, оформил ряд драматических и балетных спектаклей во Франции и в Италии, снял документальный фильм, стал душой и лидером художественного сообщества. Но ему еще нет и шестидесяти, впереди его ждут десятки лет продуктивного творчества. Пожелаем же ему сил, а зрителям, живущим не только в Париже, — возможности прикоснуться к его великолепным полотнам не только на репродукциях.

Главный редактор
МИХАИЛ ФРЕНКЕЛЬ

Наш сайт:
<http://jew-observer.com>

Свидетельство о регистрации
Госкоминформ № 4607 от 10.10.2000

Номер отпечатан
в типографии «Интерконтиненталь»
г. Киев, ул. Институтская 16, оф. 1/15
№ заказа 7/7-2015
Тираж 4000 экз.

Мнения авторов и редакции
не всегда совпадают.
Редакция оставляет за собой право
сокращать материалы авторов
и вносить в них правку.
Редакция не ведет переписку
с читателями